

- Роберт Говард

- 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
-

Роберт Говард

Феникс на мече

Потеря Конаджохары лишь подтвердила тот факт, что не все ладно в Аквилонии, крупнейшем хайборийском королевстве. Жестокость и полная бездарность короля Нумедидеса вызывали всеобщее недовольство, приведшее к серии заговоров и наконец открытому бунту, во главе которого стал Конан. Он собственными руками задушил короля Нумедидеса прямо на троне и возложил себе на голову корону, пользуясь поддержкой ведущих аквилонских политиков.

Однако жизнь короля отнюдь не состоит из одних только праздников...

1

Предрассветные тишина и мрак плотным плащом укутывали великолепные башни Тарантии — столицы Аквилонии. В неприметном доме, стоявшем на одной из узеньких улочек, чья-то осторожная рука приоткрыла дверь, из которой выскоились четыре темные человеческие фигуры, мгновенно, словно призраки, растворившиеся во мраке. За дверью мелькнуло смуглое лицо, глаза на нем горели затаенной злобой.

— Убирайтесь, создания тьмы! — произнес насмешливый голос. — Глупцы, вы и не подозреваете, что ваша судьба, словно кровожадная собака, преследует вас по пятам.

Человек, сказавший эти слова, прикрыл дверь, тщательно запер ее, поднял свечу на уровень глаз и шагнул в узкий коридор. Это был высокий мрачный мужчина, почти гигант, темная кожа и острые черты лица которого свидетельствовали о значительной толике стигийской крови, текшей в его жилах. Пройдя по коридору, он вышел в комнату, в которой на устланном шелками ложе, развались, словно усталый кот, и потягивая вино из тяжелого золотого кубка, лежал худой мужчина, облаченный в потрепанные бархатные одежды.

— Ну, Аскalanте, — сказал стигиец, ставя свечу на стол, — твои оборванцы, как крысы, расползлись по всем Щелям. Странные, однако, орудия ты используешь в борьбе за власть.

— Орудия? — изумился Аскalanте. — Но это меня они считают орудием. Вот уже целый месяц я, выбиваясь из сил, готовлю все необходимое для свержения узурпатора.

И надо сказать, мне в одиночку, действуя в абсолютной тайне, удалось сотворить то, что оказалось не под силу всему аквилонскому рыцарству. О Митре, недаром же я был одним из виднейших государственных деятелей Аквилонии до того, как эти негодяи поставили меня вне закона.

— Стало быть, это дурачье ошибается, когда думает, что использует вас в своих целях?

— Пусть они и дальше думают, что я служу им верой и правдой. Подождем, пока каждый из них исполнит то, что от него требуется по моему плану.

Кто они такие, чтобы равняться с графом Аскalanте? Больмано — нищий граф Карабанский, Громель — бездарный солдафон, лишь волею

судеб ставший командиром Черного Легиона, Дион — жирный трусливый богач, барон Атталусский, Ринальдо — слабоумный придворный поэт. Это я был тем, кто сбил их в одну стаю, и я же передавлю их поодиночке, когда придет тому время. А оно уже на пороге. Сегодня ночью король умрет.

— Пару дней назад я видел, как королевские войска покидали город, — сказал стигиец.

— Они направились к границе, чтобы утихомирить разбушевавшихся пиктов. Если бы ты знал, сколько крепкого вина я переправил пиктским вождям, чтобы подстегнуть их выступление. Горы золота пошли на это — Диону пришлось изрядно раскошелиться. А Больмано — позаботиться о том, чтобы убрать из города остатки верных королю отрядов. Используя свою высокородную родню, он легко уговорил Нуму, короля Немедии, пригласить к себе графа Троцеро, сенешаля Аквилонии. И конечно, как и подобает его высокому сану, Троцеро будет сопровождать королевский эскор特, поедет с ним и Просперо, правая рука короля Конана. Итак, в городе останется небольшая часть личной гвардии короля — Черных Драконов и, конечно. Черный Легион. Если повезет, я с помощью Громеля разберусь и с королевским караулом — около полуночи охрана у дверей в спальню Конана будет снята. В это время я с шестнадцатью верными мне людьми проскользну через тайный ход в замок. Даже если народ Аквилонии не пожелает принять нас с ликованием после того, как дело будет сделано, Черного Легиона будет вполне достаточно, чтобы привести их в чувство и удержать корону.

— Так Дион считает, что все это делается лишь для того, чтобы возвести его на трон?

— Да. Этот жирный дурак утверждает, что трон принадлежит ему, поскольку его кровь содержит некоторую примесь крови королевского дома. Конан совершил ошибку, за которую поплатится головой, когда не удалил со двора всех, кто хоть в какой-то мере признавался в родстве с прежней династией. А Больмано рассчитывает на то, что в его карманы вновь посыпется щедрый дождь золотых монет, как это было при старом режиме. Громель ненавидит Паллантида, командира Черных Драконов, и жаждет командовать всеми вооруженными силами Аквилонии. Эту цель он преследует с упорством, типичным для боссонца. Ринальдо — единственный из них, кто начисто лишен личных амбиций. Он видит в Конане лишь узколобого дикаря, который явился в цивилизованный мир, чтобы грабить всех подряд, и идеализирует прежнего короля, убитого Конаном. Ринальдо помнит только то, что тот изредка поощрял искусства, и совершенно забывает обо всей несправедливости и бестолковости его

правления, — и он делает все для того, чтобы народ забыл об этом тоже. Уже везде вокруг открыто поют написанные им хвалебные гимны Нумедидесу, в которых до небес превозносится старый мошенник и изливается хула на «дикаря с черным сердцем, восставшего из мрачных глубин Преисподней». Конан на это не обращает внимания, но народ ропщет.

— А почему Ринальдо так ненавидит Конана?

— Поэты всегда ненавидят тех, кто стоит у власти. Они бегут от действительности в свои мечты о прошлом или о будущем. Ринальдо — типичный фанатик-идеалист. Он верит, что ему судьбой предназначено свергнуть тирана и освободить народ. А что касается меня — еще пару месяцев назад я и не помышлял о троне, собираясь провести остаток своей жизни в изгнании, но ведь аппетит приходит во время еды. Конан умрет, на трон взойдет Дион. Затем и он умрет. А следом за ним один за другим расстанутся с жизнью все те, кто стоит у меня на пути: от огня, или от стали, или испив отравленного вина, которое горазд готовить мой верный раб. Аскаланте, король Аквилонии! Звучит неплохо, не правда ли?

Стигиец пожал широкими плечами.

— Что мне до ваших планов и амбиций? — сказал он вдруг с нескрываемой горечью. — Мои друзья и соперники несказанно удивились бы, если бы увидели, как низко я пал. Они просто не поверили бы, что Тот-Амон может рабски служить простому смертному.

— Ты всю жизнь занимаешься магией и колдовством, — невозмутимо произнес Аскаланте, — я же во всем полагаюсь на меч и свой собственный разум.

— Что значит меч и человеческий разум перед мудростью Тьмы? — пробурчал стигиец. Его черные глаза угрожающе сверкнули, под ними пролегли темные тени. — Не потеряй я кольцо, наши роли сейчас, быть может, поменялись бы...

— Пора, видимо, напомнить, — спокойно ответил Аскаланте, — что на спине у тебя еще не зарубцевались шрамы от моего кнута и, судя по всему, к ним вот-вот добавятся свежие.

— Ты так в этом уверен? — Глаза стигийца вспыхнули на миг демонской ненавистью. — Однако мне, может, посчастливится найти кольцо вновь, и тогда, клянусь змеиной западней Сета, я рассчитаюсь с тобой за все...

Аквилонец, зарычав от гнева, вложил в удар все силы. Тот-Амон пошатнулся, на его разбитых губах выступила кровь.

— Теперь ты придержишь язык за зубами, собака! — пробурчал

Аскаланте. — Берегись! Не забывай, что я знаю твою мрачную тайну. Поднимись на крышу и крикни во всеуслышание, что Аскаланте в городе, что он собирается свергнуть короля Конана, — если, конечно, отважишься на это!

— Я не отважусь на это, — тихо сказал стигиец и вытер кровь с губ.

— Да, ты не отважишься, — усмехнулся Аскаланте высокомерно, — Потому что, стоит мне испустить дух, некий отшельник в южной пустыне узнает об этом и сломает печать на свитке. И как только он познакомится с содержанием этого свитка, вся Стигия поднимется на ноги. Куда ты тогда денешься, Тот-Амон?

Раб вздрогнул, и его темное лицо стало пепельно-серым.

— Достаточно! — Аскаланте сменил тон. — У меня есть для тебя работа. Я не доверяю Диону. Только что я приказал ему отправиться в свое поместье и сидеть там до тех пор, пока здесь все не закончится. Этот жирный дурак не сможет скрыть от короля своей нервозности и, того и гляди, всех нас погубит. Скачи следом. Если не догонишь его по дороге, отправляйся в поместье и оставайся с ним до тех пор, пока не получишь уведомление, что опасность миновала. Не спускай с него глаз, он ничего не соображает от страха и может сотворить что угодно — даже побежать к Конану и выложить ему все, что о нас знает, лишь бы спасти свою драгоценную шкуру. Ступай!

Раб поклонился, скрывая ненависть в глубоко запавших глазах, и вышел. Аскаланте с облегчением откинулся на подушки и потянулся за кубком. Над верхушками городских башен, усыпанными драгоценными камнями, поднималось солнце.

Вокруг все пели славу мне
В час возвращенья из похода,
И, проезжая на коне,
Топтал дары я все феодов.
Увы, не вечен лести пыл,,
Теперь я царь — ив том причина,
Что мне грозят ударом в спину
И ядам в кубке для вина.

«Дорога Королей»

В огромном зале с полированными деревянными панелями на стенах, толстыми мягкими коврами на полу из слоновой кости и высоким потолком, покрытым изумительной красоты лепкой, за столом из той же слоновой кости, инкрустированной золотом, сидел молодой мужчина, чьи широкие плечи и загорелая кожа резко контрастировали с окружавшей его роскошью. Человек, подобный ему, смотрелся бы гораздо естественнее на фоне суровых горных вершин или в насквозь продуваемой ветром степи. В каждом его движении чувствовалась огромная физическая сила. Если он сидел неподвижно, то это была неподвижность бронзовой статуи, если начинал двигаться, то с фацией дикой кошки.

Его одежда была сшита из драгоценных тканей, но отличалась простотой покроя и полным отсутствием миштуры. Он, судя по всему, не признавал колец и прочих украшений, лишь в волосах поблескивал простой серебряный обруч, удерживавший надо лбом слегка подстриженную черную гриву.

Он положил золотое стило, которым что-то писал на специальной дощечке, лежавшей перед ним, оперся подбородком на огромный кулак и с завистью посмотрел на человека, возившегося со своими доспехами рядом с ним. Тот зашнуровывал позолоченные латы на боку, стягивая их как можно туже, и рассеянно насвистывал веселеную мелодию — не совсем обычное поведение придворного перед лицом короля.

— Просперо, — сказал мужчина за столом, — эти проклятые дела меня замучили. Я устал так, как не уставал даже тогда, когда с утра до вечера махал мечом на поле боя.

— Привыкай, от этого теперь не уйдешь, — ответил черноглазый пуантенец. — Ты — король, и это часть твоих повседневных занятий.

— Если бы ты знал, как мне хочется поехать с тобою в Немедию, — зависть Конана на глазах возрастила. — Мне кажется, что я уже целую вечность безвылазно торчу в этом дворце и прошли целые десятки лет с тех пор, как я в последний раз садился на коня. Но Публиус твердит, что дела государственные требуют моего присутствия в городе. Ты знаешь, когда я возложил себе на голову корону Нумедидеса, то думал, что достиг предела желаний. Но оказалось, что захватить трон — одно, и совершенно другое — управлять королевством. Было время, когда я считал, что любые вопросы легко разрешаются мечом, сейчас мне начинает казаться, что меч — вообще не помощник в государственной политике. Когда я сверг Нумедидеса, все считали меня освободителем. А посмотри, что происходит сейчас? Они установили статую старого негодяя в храме Митры, бросаются перед нею ниц, молятся ему, как святому, принявшему мученическую смерть от рук варвара. Когда я из боя в бой вел войска королевства к победе, они великодушно забывали, что я чужак, но вот теперь никак не могут простить мне этого недостатка. Теперь они курят благовония и жгут свечи перед статуей Нумедидеса — все: и те, кто лишь чудом избежал лап его палачей, и те, кто потерял сыновей, замученных ими в подземельях, и даже те, чьих жен или дочерей этот дряхлый распутник забрал в свой гарем. Ах, глупцы!

— Во всем этом немалая доля вины Ринальдо, — сказал Просперо, затягивая пояс туже. — Он поет подстрекательские песенки на всех площадях столицы. Заточи его в одну из башен, пусть орет там свои дурацкие песни до посинения.

Конанträхнул львиной гривой.

— Нет, Просперо, это не имеет смысла. Великий поэт всегда сильнее короля. Его песни стоят большего, чем даже королевский скипетр. Я умру, и меня забудут, а песни Ринальдо будут жить вечно. Нет, Просперо, — продолжал король, и тень набежала на его лицо. — За всем этим скрывается нечто большее, чем талант безумного поэта. Я чувствую это точно так же, как в юности чувствовал, где в высокой траве лежит тигр, хотя никак не мог видеть его глазами. Во всей стране ощущается некое подспудное волнение. Я сейчас словно охотник у маленького костра посреди густого леса, который скорее представляет себе, чем

действительно слышит шорох шагов подкрадывающихся хищников. Ах, если бы это было нечто осязаемое, против чего я мог бы обратить свой меч! И говорю тебе, это не случайность, что пикты в последнее время все чаще нападают на пограничные области. Думаю, что мне самому пора отправиться туда, чтобы во всем разобраться на месте.

— Публиус боится заговора. Он считает, что тебя хотят выманить на границу, чтобы загнать там в западню, — напомнил ему Просперо, накидывая шелковый плащ на доспехи и вертясь перед зеркалом. — Поэтому он и уговаривает тебя остаться в городе. Я не сомневаюсь, что ты прав и твоя интуиция варвара тебя не обманывает — в королевстве действительно что-то происходит, но наемники и армия на нашей стороне; что же касается Черных Драконов, все пуантены принесли тебе клятву верности. Единственная реальная опасность — прямое покушение на твою жизнь, но этому помешают телохранители, стерегущие тебя днем и ночью. Над чем ты, кстати, там трудишься?

— Над картой, — с гордостью ответил Конан. — Наши карты недурны, если речь идет о землях на юге, востоке или западе, но в том, что касается севера, врут напропалую. Поэтому я сам взялся за карту севера. Посмотри сюда! Это вот Киммерия, где я родился. А вот...

— Асгард и Ванахейм! — Просперо изумленно смотрел на карту. — О Митра, я считал эти страны легендой!

Конан усмехнулся и невольно провел кончиками пальцев по шрамам на своем смуглом лице.

— Если бы ты вырос на северной границе Киммерии, то относился бы к ним совсем по-другому. Асгард расположен на севере, а Ванахейм на северо-западе от Киммерии, и на этих границах бушует никогда не прекращающаяся война.

— А что за люди живут на севере? — спросил Просперо.

— Они высоки ростом, светлокожи и голубоглазы. Их бог — ледяной гигант Имир, и у каждого племени свой собственный король. Они сражаются днями напролет, а по ночам пьют пиво и во весь голос орут дикие воинственные песни...

— Ну, тут ты мало от них отличаешься, — ухмыльнувшись, сказал Просперо. — Ты много и жадно пьешь, да и любимые свои песни ты скорее орешь, чем поешь.

— Похожи страны — похожи и люди, которые в них живут, — сказал, улыбнувшись, король. — И там и там под вечно серым небом возвышаются огромные горы — голые или покрытые дремучими лесами, с пустынными долинами, насквозь продуваемыми ледяными ветрами.

— Тогда нет ничего удивительного в том, что и люди там столь же дики и суровы. — Просперо пожал плечами и невольно вспомнил теплые равнины и ленивые голубые реки своей родины — Пуантена, южной провинции Аквилонии.

— Все они обречены, — пробормотал Конан. — И они, и те, кто придет им на смену. Их боги — Кром и его мрачные братья, царствующие в стране Вечных Туманов, Королевстве Мертвых. Митра видит — здешние боги мне гораздо милее.

— Успокойся, Конан, ты ведь навсегда покинул свою Киммерию. Твое королевство — здесь, — улыбаясь, сказал Просперо. — Ну вот, мне пора отправляться. На пиру у Нумы я выпью за твое здоровье кубок самого лучшего белого вина.

— Ладно, — пробурчал король. — Но не целуй от моего имени танцовщиц Нумы — испортишь все межгосударственные отношения.

Весело рассмеявшись, Просперо вышел из зала.

3

В катакомбах пирамид
Сет Великий молча спит.
А в тени границ живет
Проклятый его народ.
Сету шлет свои моленья
Без надежд на утоленье,
Жажды просто жить, как все.
Тщетно!
Там во всей красе,
В катакомбах пирамид,
Сет Великий молча спит.

«Дорога Королей»

Солнце, прячась за горизонтом, на несколько минут залило сияющим золотом зеленый и туманно-голубой лес. Его потухшие уже лучи все еще отражались в звеньях толстой золотой цепи, нервно подрагивавшей в потных пухлых руках Диона Атталусского. Барон, беспокойно ерзая плотным задом по мраморной скамье, то и дело поглядывал на пестрые цветы и густую листву деревьев в своем саду и временами украдкой оглядывался, словно пытался захватить врасплох спрятавшегося врага. Поблизости журчал родник, множество других источников, рассеянных по всему этому чудесному уголку наслаждений, нашептывали нежные мелодии.

Дион был один, если не считать темнокожего гиганта, удобно расположившегося на мраморной скамье неподалеку от барона. Дион не обращал на раба ни малейшего внимания, хотя знал, что Аскланте полностью ему доверяет. Как и многие другие богатые люди, он не замечал людей, стоящих на более низких ступеньках социальной лестницы.

— Нет никаких оснований так нервничать, — сказал Тот-Амон. — Все будет в порядке.

— Как и любой другой, Аскланте может допустить ошибку, —

фыркнул Дион, и на его лице выступил пот при одной мысли о возможных последствиях такой ошибки.

— Он не допускает ошибок, — заверил его стигиец с мрачной усмешкой, — Будь иначе, рабом был бы он, а не я.

— Это еще что за болтовня? — возмущенно воскликнул Дион, который слушал раба вполуха.

Глаза Тот-Амона сузились. Несмотря на свое железное самообладание, ему начало казаться, что он вот-вот лопнет от непрерывно кипевших в нем ярости, ненависти и позора, и он торопился использовать любой, даже самый ничтожный шанс вырваться из порочного круга. Забыв о том, что Дион смотрит на него как на раба, а не как на человека, обладающего душой и разумом, стигиец обратился к нему со страстной речью.

— Послушай меня, — сказал Тот-Амон. — Ты непременно станешь королем. Однако ты не знаешь, что замышляет Аскланте. Когда Конан умрет, у тебя не будет врага страшнее и коварнее, чем мой хозяин. Я могу тебе помочь и сделаю это, если ты возьмешь меня под свою защиту, когда окажешься на троне. Знай же, о господин, что я могущественнейший волшебник. О Тот-Амоне говорят обычно с таким же глубоким уважением, как и о знаменитом Раммоне. Король Стигии Ктесофон возвысил меня и оказал мне величайшие почести. Он прогнал всех своих магов и назначил меня своим придворным волшебником. Изгнанные маги затаили злобу и обиду, но трогать меня боялись, потому что я имел власть над потусторонними силами и мог рассчитывать на их помощь в любое время. Сет видит, враги трепетали, потому что знали, что в любую минуту на них может обрушиться потусторонняя тварь и вонзить острые когти в их морщинистые шеи. Столь безграничное могущество давало мне змеиное кольцо Сета, найденное мною в одном из склепов Стигии, чуть ли не в миле под поверхностью земли. Думаю, что оно было утеряно там кем-то еще до того, как далекий предок человека выбрался на берег из морского ила.

Но вор украл у меня это кольцо, и я потерял все свое могущество! Маги объединились, чтобы убить меня, но мне посчастливилось, и я сумел бежать. Нанявшись погонщиком верблюда, я отправился в Коф, но по дороге на нас напали бандиты Аскланте. Все, кроме меня, были убиты, я спас свою жизнь только тем, что поклялся верно служить Аскланте, когда тот узнал меня. Вот так я попал к нему в рабство.

Чтобы удержать меня, он записал мои признания, запечатал свиток и передал его некоему кофскому отшельнику. Я не могу отважиться вонзить

ему во сне кинжал в сердце или выдать его врагам, потому что тогда отшельник откроет свиток, прочтет его и сделает то, о чем просил Аскаланте. А когда об этом узнают в Стигии... — Тот-Амон вздрогнул, и его лицо побледнело, — В Аквилонии я пока в безопасности, — продолжал он. — Однако рано или поздно враги дознаются о моем убежище, и тогда мне уже ничто не поможет, от судьбы уйти не удастся. Только король с его могучими крепостями и верными войсками смог бы защитить меня. Вот поэтому я предлагаю тебе заключить со мной соглашение. Я помогу тебе советом сейчас, а ты защитишь меня потом. А уж когда я найду кольцо...

— Кольцо? Кольцо?

Тот-Амон недооценил абсолютный эгоизм этого человека, который отмахнулся от слов раба, словно от гудения назойливой мухи, и полностью погрузился в свои невеселые мысли. Но слова о кольце ему что-то напомнили.

— Кольцо? — повторил он снова. — Как же, помню! Это, должно быть, то самое Кольцо Счастья. Я купил его у одного шемитского вора, который хвастал, что украл его у колдуна с далекого юга, и клялся, что оно приносит счастье. Мне захотелось его иметь, и, видит Митра, я заплатил за него весьма немало. И вот теперь, пожалуй, мне понадобится все мое счастье, чтобы выпутаться из этого проклятого заговора, в который втянули меня Больмано и Аскаланте. Надо найти это кольцо!

Тот-Амон вскочил. Кровь бросилась в его и без того темное лицо, а в глазах вспыхнула ярость, хотя он был поражен эгоистичной глупостью своего собеседника. Дион вообще не обращал на него внимания. Он быстрым движением руки открыл секретный ящичек в своей мраморной скамье и начал рыться в куче талисманов, игральных костей, странного вида амулетов и тому подобных безделушек. Все это якобы приносило счастье, и он суеверно собирал их где только мог.

— Ага, вот оно! — Он радостно поднял кольцо великолепной ювелирной работы. Оно было выковано из металла, похожего на медь, и имело форму чешуйчатой змеи, трижды свернувшейся, положив одно кольцо на другое и засунув кончик хвоста себе в пасть. Глазами ее были желтые драгоценные камни, злобно блестевшие в сгущавшихся сумерках. Тот-Амон вскрикнул, и барон повернулся к нему. Увидев лицо раба, он внезапно побледнел и широко разинул рот. Глаза стигийца сверкали, его темные пальцы, словно когти, тянулись к кольцу.

— Кольцо! О Сет! Мое кольцо! — громко воскликнул он. — Кольцо, которое у меня украли!

В руке Тот-Амона блеснула сталь. Он молниеносно воткнул кинжал в жирное брюхо барона. Болезненный крик Лиона перешел в хрипение, и барон осел на землю, словно оплывшая гора сливочного масла. Скорее всего он так и не понял, что послужило причиной его смерти.

Тот-Амон оттолкнул в сторону обмякшее тело, выхватил из рук мертвеца кольцо и забыл об убитом. Он обеими руками держал кольцо, и его черные глаза пылали мрачным огнем.

— Мое кольцо! — прошептал он в радостном возбуждении. — Я вновь обрел свое могущество!

Даже сам стигиец не смог бы сказать, как долго он стоял неподвижно, словно статуя, с таинственным кольцом в руках, чья ужасная аура исцеляла его опозоренную душу. Когда он закончил медитировать и вернул душу из мрачной бездны, в которую позволило заглянуть это кольцо, на небе уже появилась луна, бросившая длинные тени на спинку мраморной скамьи, перед которой лежало то, что недавно было хозяином Атталуса.

— А теперь я покончу с Аскаланте! — прошептал стигиец, глаза которого горели в темноте красным огнем, словно у вампира. Он осмотрелся, набрал пригоршню крови из лужи, в которой лежала его жертва, и погрузил в нее глаза медной змеи, выждав, пока сверкающая желтизна не насытилась соком жизни.

— Раскрой глаза, о волшебная змея, — запел он хриплым голосом, от которого у слушателя застыла бы кровь в жилах. — Позволь им насытиться лунным светом и заглянуть в черную бездну! Что ты там видишь, о змея Сета? Кого ты призываешь из глубины мрака? Чья тень идет на дрожащий свет? Приведи его ко мне, о змея Сета!

Круговыми движениями пальцев, вновь и вновь описываемыми вокруг исходной точки, он гладил ясно ощущимую чешую змеиного кольца, шепча при этом ужасные имена и монотонно читая заклинания, давно забытые в мире людей и сохранившиеся лишь в глубинах темных склепов таинственной Стигии.

Воздух над его головой заколебался, словно в нем забилась неизвестно откуда появившаяся огромная рыба. Пронесся ледяной ветерок, и Тот-Амон почувствовал, что за его спиной стоит нечто, но не обернулся. Он направил свой взгляд на освещенную лунным светом мраморную скамью, на которой обозначилась едва заметная тень. Продолжая бормотать свои заклинания, он наблюдал за тем, как тень росла и становилась все четче. Теперь ее очертания напоминали контуры тела гигантского павиана, но таких обезьян нигде на Земле, даже в Стигии, никогда не было. Однако Тот-Амон и теперь не обернулся. Он вытащил из-за широкого пояса сандалию своего

господина — он давно носил ее с собой в надежде на подобный случай — и бросил ее через плечо.

— Посмотри на нее внимательно, раб кольца! — крикнул он. — Найди того, кто ее носил, и уничтожь! Посмотри ему в глаза и истерзай его душу, прежде чем разорвешь ему горло! Убей его! — И после короткого раздумья с яростью добавил: — И убей всех, кто будет с ним!

На мраморную скамью за Тот-Амоном воплещением ужаса опустился бесформенный череп и, как охотничья собака, обнюхал сандалию. Тот-Амон почувствовал дуновение ветра за спиной, и тень исчезла. Колдун в адском триумфе простер руки вверх, и его глаза и зубы сверкнули в лунном свете.

Стражники на крепостной стене в ужасе вскрикнули, когда над ними пронеслась черная тень с пылающими глазами, растаяв во мраке. Это, однако, произошло так быстро, что испуганные воины, опомнившись, начали спрашивать друг друга, было ли это на самом деле, или все им только почудилось.

Когда мир был молод, а люди слабы,
Лишь демоны были орудьем судьбы.
Но взял я огонь, взял и яд, и сталь,
И Змей наказанием быть перестал!
Доныне, хотя над землей пролетели века
И в черной скале все дремлю я пока.
Кто первым посмеет забыть храбреца,
Что с Сетом сражался тогда до конца?!

«Дорога Королей»

Король Конан спал в королевской опочивальне с высоким позолоченным куполообразным потолком и видел сон. Сквозь кольщущийся серый туман к нему пробивался слабый, словно из невообразимой дали доносящийся зов. Он не понимал слов, но воспринимал его суть всем своим существом. Конан с мечом в руке на ощупь продирался сквозь туман, как сквозь плотное облако. С каждым его шагом голос становился четче, постепенно он стал разбирать повторяющееся в зове слово — это было его собственное имя, проникавшее в мозг сквозь пространство и время.

Туман рассеялся, и он увидел, что идет по широкому темному коридору, высеченному в сплошной скале. Пол и потолок коридора были тщательно обработаны и отполированы, они тускло поблескивали, а со стен смотрели на него барельефы древних героев и неведомых богов. Король вздрогнул, когда увидел их призрачные очертания, и понял, что Уже много столетий в этом коридоре не появлялся никто из смертных.

Он подошел к широкой лестнице, также высеченной из камня и круто спускавшейся куда-то вниз. Стены шахты были покрыты таинственными знаками, такими древними и ужасными, что Конан невольно содрогнулся. На каждой ступени лестницы была с огромным искусством вырезана змея, так что при каждом шаге нога короля опускалась на змеиный череп. Однако голос звал его, и он, наконец преодолев зону темноты, казавшуюся

почти физически ощутимой, вышел к странному склепу, в котором на крышке массивного саркофага сидел белобородый старец, контуры его фигуры расплывались во мраке.

Волосы на голове Конана зашевелились, он поднял меч, но незнакомец заговорил с ним звучным монотонным голосом:

— О человек, ты узнаешь меня?

— Во имя Крома, нет! — ответил удивленный король.

— Знай же, — сказал старец, — я — Эпимитреус.

— Но мудрец Эпимитреус мертв вот уже пять тысяч лет! — выдохнул Конан.

— Выслушай меня, человек! — сказал тот властно. — Брось камень в тихую воду, и ты увидишь, как пойдут круги, которые рано или поздно достигнут берега. События в подлунном мире докатили свои волны до меня и пробудили от дремоты. Я увидел и выбрал тебя, Конан, варвар из Киммерии. Великими и славными делами отмечен твой путь. Однако стране, которой ты правишь, грозит беда, справиться с которой твой меч не сможет.

— Ты говоришь загадками, — сказал обеспокоенный словами старца Конан, — За любой бедой стоит ее виновник, покажи мне его, и я тут же размозжу ему череп.

— Побереги свои силы для противника из плоти и крови, — посоветовал старец. — Речь идет вовсе не о нем. Слушай внимательно! Существуют темные миры, неведомые для простых смертных, в которых повсюду рыщут бесформенные чудовища — злые демоны. Зная соответствующие заклинания, их можно призвать из глубины мрака и натравить на избранную заранее жертву. В твоем доме, о король, притаилась змея, да — в твое королевство заползла гадюка. Она явилась из Стигии, и душа ее черна как сажа. Как спящий видит сон о змеях, когда те ползают у его постели, так и я чувствую появление колдуна в твоей стране. Он обладает абсолютной властью над демонами и насыщает их на своих врагов. Весьма вероятно, что он с их помощью положит конец твоему царствованию. Потому я и призвал тебя к себе, чтобы вложить в твои руки оружие, смертельно опасное для стигийского колдуна и его адской своры.

— А почему именно меня? — спросил Конан смущенно. Легенда говорит, что ты дремлешь в черном сердце Коламиры и лишь в случае крайней необходимости твой дух возносится на невидимых крыльях, чтобы помочь Аквилонии. Но я... варвар, а не аквилонец.

— Не задавай вопросов! — прогремел под темными сводами монотонный голос, — Твоя судьба накрепко связана с судьбой Аквилонии.

Великие события вплетаются в ткань твоей судьбы. Кровожадный, обезумевший от злости на своих обидчиков колдун не должен изменить предначертанное богами. Давным-давно Сет обвился кольцами вокруг подлунного мира, словно удав вокруг тела жертвы. Три поколения людей сменилось на земле за время моей жизни, и всю ее без остатка я отдал борьбе с ним. Я преследовал Сета по пятам и загнал в тупик на юге, однако в проклятой богами Стигии люди все еще чтут его и воздают божеские почести этому исконному врагу человеческого рода. Ты поможешь мне в борьбе с ним, его слугами и приверженцами. Подними свой меч!

Конан удивленно повиновался. Старец описал костлявыми пальцами странный полукруг возле рукояти меча, а на широком клинке начертал некую сложную фигуру, вспыхнувшую в полутьме белым пламенем. В следующее мгновение старец и склеп исчезли, а Конан вскочил в испуге со своего ложа, стоявшего все там же, в королевской опочивальне со сводом.

Размышляя над странным сном, приснившимся ему, он вдруг осознал, что в своей правой руке крепко сжимает меч. По коже у него пробежали мурашки, потому что на клинке было выгравировано изображение феникса. Он тут же вспомнил, что в загадочном своем сне видел в склепе скульптуру этого сказочного существа, и спросил себя, действительно ли она была высечена из камня. Непроизвольная дрожь сотрясла его тело.

Крадущиеся шаги перед дверью полностью вернули его в действительность, он не задумываясь скользнул в свои латы и вновь стал тем, кем был всегда, — варваром, бдительным и недоверчивым, словно серый волк.

Что мне дворцовые интриги? Вот вопрос.
Сейчас мне верный слух охотника донес,
Что зреет здесь коварная измена.
Ха, все это сгоряча!
Я сын суровых мест,
И вырос я под неба крышей.
Судьба моя — на острие меча!
Там жизнь моя и смерть всех тех,
Кто голос совести не слышит.

«Дорога Королей»

По коридору королевского замка крались двадцать закутанных с головы до ног в плащи мужчин. Лезвия их остро отточенных топоров, мечей и кинжалов зловеще поблескивали в тусклом свете смолистых факелов, горевших в стенных нишах.

— Тише! — прошипел Аскаланте. — Кто это там дышит так громко? Офицер охраны отозвал часть часовых со своих постов, а остальным подсунули бурдюки с вином, так что они сейчас спят там вповалку пьяные. Но несмотря на это, будем соблюдать предельную осторожность. Эй, назад! Стража идет!

Они поспешили спрятаться за украшенными барельефами колоннами, и мимо них быстрым шагом прошли десять гигантов в черных доспехах. Впереди шел офицер. Спрятавшиеся заговорщики видели, что его лицо было белым, словно снег, и он время от времени вытирал дрожащей рукой пот со лба. Офицер был очень молод, и предательство давалось ему нелегко. Он проклинал про себя безудержную страсть к игре, которая превратила его в игрушку в руках политиков-заговорщиков.

Громко стуча подошвами сандалий, отряд стражников исчез за поворотом коридора.

— Отлично! — сказал Аскаланте. — Теперь Конан спит без охраны. Поспешим же! Если нас застанут у его постели, нам придется плохо.

Однако никому и в голову не придет мстить нам за него тогда, когда дело будет уже сделано.

— Да, поспеши! — прошептал возбужденно Ринальдо, чьи голубые глаза блестели, как клинок меча, которым он размахивал над головой. — Мой меч жаждет крови тирана! Стервятники уже кружат над его головою!

Они бежали по коридору, пока не уткнулись в позолоченную дверь, украшенную королевскими драконами и гербом Аквилонии.

— Громель! — позвал вполголоса Аскаланте, — Открой дверь!

Гигант втянул в себя воздух и изо всей силы ударил плечом в дверь, которая затрещала и прогнулась под его ударом. Громель ударили снова.

Засов сломался, дерево лопнуло, и дверь распахнулась.

— Вперед! — воскликнул Аскаланте.

— Вперед! — проревел Ринальдо. — Смерть тирану! Однако они остановились, словно вросли в пол, увидев стоявшего перед ними Конана.

Не полуголого, еще не проснувшегося полностью человека, которого легко было бы зарезать, как барана, видели их изумленные глаза: перед ними стоял могучий рыцарь в доспехах с обнаженным мечом в руках. Мгновение заговорщики стояли неподвижно: четверо главарей застыли на пороге, за ними толпились бородатые наемники. Однако тут Аскаланте заметил лежавший на маленьком столике возле королевского ложа серебряный скипетр и узкий золотой обруч — корону Аквилонии, и алчность победила в нем все остальное.

— Вперед, негодяи! — заревел он. — Конан один, а нас два десятка, и на нем нет шлема!

Это было правдой. У Конана не было времени на то, чтобы надеть тяжелый, украшенный перьями шлем, а также на то, чтобы зашнуровать по бокам латы, и даже на то, чтобы сорвать со стены массивный щит. Несмотря на это, Конан был защищен лучше, чем его противники, за исключением Больмано и Громеля, на которых поблескивали под плащами полные доспехи.

Король смотрел на ворвавшихся в спальню людей, пытаясь узнать их лица. Однако забрало шлема Аскаланте было опущено, и он не узнал графа Тунского, как не узнал и Ринальдо, надвинувшего широкополую шляпу на самые глаза. Впрочем, не время было ломать голову над этим. Предатели взвыли — вой этот эхом отразился от куполообразного потолка — и ринулись на Конана. Впереди всех летел Громель. Он мчался, словно разъяренный бык, наклонив голову вниз и выставив меч вперед, чтобы воткнуть его тяжелое лезвие королю в живот. Однако король с тигриной ловкостью прыгнул ему навстречу и, вложив в замах всю свою силу, ударили

нападавшего мечом. Широкое лезвие просвистело в воздухе и обрушилось на стальной шлем боссонца. Клинок и шлем раскололись на несколько кусков, Громель упал замертво, а Конан отскочил назад, сжимая в руке обломанную рукоять.

— Громель! — фыркнул он. В его голубых глазах мелькнуло удивление, когда свалившийся с головы убитого шлем открыл его лицо. Однако остальные заговорщики вновь набросились на короля. Острое кинжала, проникшее в щель между грудным и спинным панцирями, скользнуло по его ребрам, перед глазами сверкнуло лезвие меча. Отбросив левой рукой человека с кинжалом, он обломком меча ударили в висок другому противнику, размозжив ему череп.

— Пятеро к двери! — проревел Аскланте, коршуном круживший вокруг сражавшихся. Он боялся, что Конан пробьется сквозь толпу и ускользнет через дверь. Негодяи неохотно отступили назад, когда вожак оттолкнул нескольких из них к единственной двери. Используя короткую передышку, Конан метнулся к стене и сорвал с нее древний боевой топор, висевший там уже добрых полторы сотни лет.

Заговорщики выстроились перед ним полукругом, препрятывая путь к двери. Конан не стал ждать, пока круг замкнется. Любой другой на его месте был бы уже мертв, и Конан тоже не питал особых надежд на то, что ему удастся спастись. Но в его варварской душе гремел воинственный гимн, он жаждал крови врагов и уж во всяком случае не собирался сдаваться без боя.

Конан прыгнул вперед, его топор опустился на плечо одного из заговорщиков, а на обратном пути размозжил череп второго. Над его головой просвистел меч, но киммериец ловко увернулся и отскочил в сторону, описав тяжелым топором круг смерти над головою.

Заговорщики, злобно вопя, окружили короля плотным кольцом. На шее, руках и ногах Конана появились кровоточащие раны, но его ловкость и беспощадная решительность заставили нападавших отступить.

— Ах, подлецы! — заорал Ринальдо и сорвал с головы свою широкополую шляпу. Его глаза дико сверкнули. — Вы что, боитесь его? Смелее вперед! Убьем тирана!

Он, кипя от ярости, поднял меч и обрушился на Конана. Король, узнавший наконец поэта, подставил топор под удар меча и изо всей силы толкнул Ринальдо в грудь, тот отлетел назад и упал на спину.

В это время кончик меча Аскланте оцарапал левую руку короля. Конан мгновенно послал в ответ топор, но негодяй успел увернуться и отскочить назад. Один из заговорщиков нагнулся и попытался повалить

короля, ухватившись за его ноги, но с таким же успехом он мог бы пытаться свалить каменную башню. Взглянув вверх, он успел еще увидеть падавший на его голову топор, но уклониться уже не сумел. Его товарищ ударил короля мечом по плечу, латы Конана мгновенно наполнились кровью.

Больмано нетерпеливо оттолкнул мешавшего ему соседа, прицелился и с огромной силой опустил меч на ничем не защищенную голову Конана. Король пригнулся, и клинок срезал прядь его черных волос, скользнув по черепу. Конан крутнулся на пятках и взмахнул топором. Его лезвие пробило грудной панцирь с левого бока графа, и тот осел на пол.

— Больмано! — простонал Конан. — Я должен был бы сразу узнать этого карлика!

Он выпрямился, чтобы отбить нападение обезумевшего Ринальдо, который рванулся к нему, визжа во весь голос и размахивая кинжалом. Конан отступил назад и выставил топор перед собой.

— Назад! Я не хочу тебя убивать!

— Умри же, тиран! — тяжело дыша, крикнул менестрель и снова бросился на короля. Конан помедлил с ударом, но, почувствовав, что в его незащищенный бок вонзается кинжал, со слепым отчаянием махнул топором.

Ринальдо упал с разрубленным черепом, а Конан отшатнулся назад, к стене. Кровь брызнула из-под его пальцев, когда он зажал рану.

— Вепрь ранен! — воскликнул Аскланте. — Добейте его! Конан оперся левой рукой о стену и поднял правой рукой топор. Он стоял, широко расставив ноги, немного наклонившись вперед и нагнув голову. Жгуты его мускулов грозили разорвать кожу, черты лица заострились, глаза грозно блестели. Заговорщики невольно отпрянули назад — тигр, даже умирающий, еще способен был нанести не один смертельный удар.

Конан почувствовал их неуверенность и злобно усмехнулся, оскалив зубы.

— Кто хочет умереть следующим? — прохрипел он сквозь прокусенные кровоточащие губы.

Аскланте прыгнул к нему, но тут же с невероятной гибкостью извернулся, застыв на мгновение в воздухе, и упал на пол, избежав просвистевшей над ним смерти. Он мгновенно выпрямил ноги и откатился в сторону, когда Конан ударил снова. На этот раз топор вонзился в полированный пол почти в дюйме от ног Аскланте. Один из нападавших решил воспользоваться удобным моментом, но недооценил силу короля. Мгновенно вырванный из пола окровавленный топор взметнулся вверх, и бездыханное тело заговорщика свалилось под ноги его товарищей.

В эту секунду пятеро наемников, стерегущих дверь, одновременно вскрикнули, потому что на стене появилась вдруг бесформенная тень. Все, кроме Аскланте, испуганно вздрогнули, увидев это, оглянулись, завопили от ужаса, выскочили в дверь и понеслись по коридору куда глаза глядят.

Аскланте не сводил глаз с раненого короля. В его голове мелькнула мысль, что, по всей видимости, шум сражения переполошил-таки весь дворец и на выручку Конану прибежали преданные ему гвардейцы. Однако почему в таком случае сбежали его люди, вместо того чтобы дать им отпор? Конан тоже не обращал внимания на дверь, пристально наблюдая за руками Аскланте.

— Похоже, все потеряно, — пробормотал он, — и прежде всего честь... Однако, по крайней мере, король умрет стоя...

Эти слова не успели еще покинуть его губ, когда граф, воспользовавшись тем, что король опустил топор, чтобы смахнуть с глаз кровь, бросился в атаку.

Однако, едва сорвавшись с места, он услышал некий странный гул, и в ту же секунду чудовищная тяжесть обрушилась на его спину. Он упал на пол головой вперед, чувствуя, как чьи-то острые когти вонзаются ему под ребра, причиняя чудовищную боль. Он отчаянно извернулся под неведомым врагом и повернул голову. То, что он увидел, было сродни ночному кошмару или бредовому видению сумасшедшего. На нем сидела огромная черная тварь, которая не могла быть порождением подлунного мира. Ее слюнявые черные зубы тянулись к его горлу, а взгляд пылавших желтым огнем огромных глаз иссушал его мозг подобно самому, обрушившемуся на пшеничное поле. Отвратительная морда неведомой твари не могла принадлежать животному, в ее демонических чертах было нечто от древней, заколдованной неведомыми силами мумии, пробудившейся вдруг к жизни, и Аскланте с ужасом уловил вдруг в них неясное, словно тень, сходство со своим рабом Тот-Амоном. Разинув рот в безумном крике, он отдал богам душу еще до того, как слюнявые клыки впились ему в горло.

Конан, едва успевший протереть глаза, недоуменно уставился на чудовище. Сначала он подумал, что на скрюченном теле Аскланте сидит огромная собака. Но потом, когда взгляд его прояснился, он понял, что это вовсе не собака, а павиан.

С воплем, мало отличавшимся от предсмертного крика Аскланте, он оттолкнулся от стены и со всей силой, на которую еще был способен, метнул топор. Тяжелое лезвие отскочило от голого черепа bestии, и та молча бросилась на короля. Удар ее могучего тела был настолько сильным,

что Конан перелетел через всю комнату и грохнулся на пол.

Слюнявые челюсти сомкнулись на руке, поднятой Конаном вверх, чтобы защитить горло, но чудовище вовсе не спешило расправиться с ним. Не выпуская из пасти окровавленной руки короля, оно злобно смотрело в его глаза, наслаждаясь пробуждающимся в них ужасом, тем же, который только что убил заговорщика Аскаланте. Конан почувствовал, как сжимается его душа, как она медленно покидает тело, чтобы кануть в желтые глубины, в которых призрачно мерцал хаос, похищая его жизнь и разум. Глаза чудовища, и без того огромные, набухли и стали воистину гигантскими. Конан не видел в них ничего, кроме глубочайшего кощунственного ужаса, подстерегающего разум в абсолютной пустоте и черных безднах иных миров. Конан открыл окровавленный рот, чтобы криком выплеснуть свою ненависть и отвращение, однако лишь сухой хрип вырвался из его горла.

Надо сказать, что ужас, парализовавший и погубивший Аскаланте, подействовал на варвара совершенно иначе: он пробудил в нем неописуемую ярость, близкую к сумасшествию. Не обращая внимания на боль, Конан пополз назад, волоча за собой чудовище. Его вытянутая рука коснулась чего-то, и он на ощупь узнал рукоятку сломанного меча. Действуя инстинктивно, Конан схватил обломок и ударил им, словно кинжалом, не целясь, наотмашь. Зазубренное лезвие глубоко вонзилось в тело твари, и рука Конана освободилась, когда отвратительная пасть раскрылась в пароксизме боли. Короля отшвырнуло в сторону. Когда он поднялся, опираясь на руку, все еще сжимавшую обломок меча, то увидел, что из чудовищной раны на теле демона хлещет мутный поток слизи. Тварь содрогнулась в предсмертных муках и, устремив в потолок взгляд остекленевших янтарных глаз, застыла на месте.

Конан моргнул несколько раз, стряхивая с ресниц густеющую кровь. То, что происходило, казалось невероятным: огромное чудовище расплывалось, превращаясь в студенистую массу.

А затем до его ушей донеслись знакомые звуки и голоса: это проснувшиеся наконец придворные — охрана, дворцовая чета, советники, дамы — побежали в опочивальню. Все они наперебой задавали бесстолковые вопросы, толпясь и мешая друг другу. Были здесь и Черные Драконы. Дикая ярость сверкала в их глазах, и они ругались на языке, непонятном, к счастью, жеманным придворным дамам. Молодого офицера, снявшего охрану у двери в опочивальню, нигде не было видно, и его так и не нашли позже, когда обыскали все королевство.

— Громель! Больмано! Ринальдо! — выдохнул, увидев трупы, канцлер

Публиус и заломил жирные руки, — Черная измена! За это кое-кто попляшет на виселице! Позвать охрану!

— Охрана уже здесь, старый ты дурак! — сердито фыркнул Паллантид, командир Черных Драконов, напрочь забывая о высоком ранге Публиуса. — Прекрати скулить и помоги лучше перевязать раны короля, пока он не истек кровью!

— Да, да! — вскричал Публиус, который был прекрасным теоретиком, но всегда терялся, когда дело доходило до практики. — Мы должны перевязать раны! Зовите сюда всех придворных лекарей! О мой король, какой это позор для города! Что с вами сделали! Чем мы можем вам помочь?

— Вина! — прохрипел Конан. Его положили в постель. Кто-то поднес к окровавленным губам наполненный до краев кубок, и король большими глотками осушил его до дна.

— Хорошо! — пробурчал он и уронил голову на подушку. — После таких передряг пересыхает в горле.

Кровотечение прекратилось, и невероятные жизненные силы варвара начали исцелять его тело.

— Сначала позаботьтесь о ране на моем боку, — обратился он к главному придворному лекарю. — Ринальдо начал было писать там свою новую балладу, и перо его было куда как остро.

— Его давно надо было повесить! — произнес Публиус сердито. — От этого сумасшедшего поэта всего можно было ожидать... Эй, кто это?

Он брезгливо потрогал носком сандалии труп Аскаланте.

— О Митра! — воскликнул командир Черных Драконов, — Это же Аскаланте, бывший граф Тунский! Какой демон занес его сюда?

— Почему он застыл в такой позе? — прошептал Публиус, непроизвольно отступая назад.

— Если бы вы видели то, что довелось увидеть мне, — проворчал король и поднялся на локте, несмотря на протесты лекаря, — вы бы этому не удивлялись. Впрочем, убедитесь сами, там... — он обескураженно замолчал, потому что его палец указывал на голый пол. Странные останки ужасного чудовища бесследно исчезли.

— О Кром! — прошептал он. — Адская тварь превратилась в слизь!

— Король бредит, у него лихорадка, — прошептал один из придворных.

Конан услышал его и не смог сдержать негодования.

— Клянусь Кромом! — яростно воскликнул он. — Я знаю, о чем говорю! Это было нечто похожее и на стигийскую мумию, и на павиана

одновременно.

Это чудовище проникло через дверь и обратило в паническое бегство негодяев Аскаланте. Оно убило Аскаланте в тот самый момент, когда предатель хотел вонзить меч мне в живот. Потом оно набросилось на меня, и я убил его, хотя понятия не имею, как это случилось, ибо мой боевой топор отскочил от его черепа словно от каменной стены. Но я думаю, что ко всему этому имеет какое-то отношение Эпимитреус...

— Слышите? Он говорит о легендарном мудреце, который умер пять тысяч лет тому назад! — украдкой шептали друг другу придворные.

— О Имир! — загремел король. — Да, я сегодня ночью говорил с Эпимитреусом! Он во сне призвал меня к себе, и я долго шел по черному, высеченному в скале коридору с барельефами древних богов и героев на стенах, затем по лестнице, на ступенях которой были вырезаны змеи Сета, пока не дошел в конце концов до склепа. Там я нашел саркофаг, на крышке которого был изображен феникс...

— Во имя Митры, мой повелитель, остановись! — эти слова сорвались с губ верховного жреца Митры, лицо которого стало пепельно-серым.

Конан откинул назад голову и прорычал:

— Что я, раб, чтобы мне затыкали рот?

— Нет, нет, о мой государь! — Верховный жрец дрожал всем телом, но вовсе не из страха перед гневом короля. — я и не думал оскорблять тебя! — Он нагнулся к Конану и прошептал ему на ухо: — Мой государь, то, о чем ты говоришь, просто невероятно. Только узкий круг жрецов Митры знает о черном каменном туннеле, выбитом неведомыми руками в самом сердце горы Коламиры, и об охраняемом фениксом склепе, в котором несколько тысяч лет назад был похоронен великий Эпимитреус. Но с тех пор ни один из смертных не входил в склеп, потому что жрецы, совершив обряд погребения, замуровали вход в гробницу, и сегодня даже я, верховный жрец, понятия не имею, где он находится. Только из передающихся из уст в уста рассказов некоторым доверенным жрецам известна тайна о гробнице Эпимитреуса — одна из основных в культе Митры...

— Я не знаю, с помощью какой магии Эпимитреус призвал меня к себе, — сказал Конан. — Но он говорил со мной и каким-то совершенно непонятным мне способом нацарапал магический знак на моем мече. Почему этот символ оказался смертельным для демона, я не знаю, а также понятия не имею о колдунах, виновном, по его словам, во всей этой катастрофе. Однако, хотя я и сломал клинок меча о шлем Громеля, обломка

оказалось вполне достаточно, чтобы отправить демона туда, откуда он появился.

— Позволь мне осмотреть твой меч, — прошептал верховный жрец, горло которого вдруг пересохло.

Конан поднял обломок и отдал его жрецу. Тот вскрикнул и упал на колени.

— О Митра, защити нас от власти Тьмы! — простонал он. — Король действительно говорил сегодня ночью с Эпимитреусом! На его мече тайный символ — знак бессмертного феникса, охраняющего гробницу великого мудреца. Свечу! Быстрее! Осветите то место, на которое указал король!

Место это оказалось прикрытым сорванным со стены в общем суматохе гобеленом. Когда гобелен оттащили в сторону и поднесли свечи к полу, у всех перехватило дыхание от ужаса. Некоторые из придворных упали на колени и возвзвали к Митре, другие с воплями умчались прочь.

На полу, там, где чудовище испустило дух, осталось большое темное пятно, которое невозможно было удалить никакими средствами. Кровь демона оставила четкий отпечаток его тела, и ни у кого из тех, кто его видел, не возникало ни малейших сомнений в том, что более ужасной твари никогда еще не появлялось в земном мире. Но знающие люди поговаривали, что зловещая тень обезьяноподобного бога не раз уже мелькала у алтарей заброшенных стигийских храмов.